

Игорь Лукоянов

**Путь террористов, или Попытка героизации молодых людей
с неустойчивой психикой***

Igor Lukoyanov

*(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences;
HSE University, Saint Petersburg, Russia)*

The path of terrorists, or an Attempt to glorify young people with unstable psyche

DOI: 10.31857/S2949124X23060226, EDN: NOZNJB

Содержание книги Г.С. Кана гораздо шире её названия. Описанная в ней история отряда террористов-революционеров выводит на «вечные» вопросы: политика и мораль, общество и власть, жизнь и смерть. Автор

* Кан Г.С. Грозь бедой преступной силе... Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). Т. 1. Идеология. События. Люди. 680 с., ил. Т. 2. Дополнения и приложения. 600 с. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2021.

же не только не избегает подобных проблем, но, наоборот, многие из них заостряет и пытается по-своему разрешить. В центре его внимания — борьба правительства и революционеров в её крайнем проявлении — физическом уничтожении друг друга. Конечно, на эту тему написано уже огромное количество работ, по большей части появившихся в советское время, когда всячески прославлялись выступления против жестокого и кровавого самодержавного строя, а революционная мораль сводилась к целесообразности тех или иных действий для свержения царизма.

Схожей, казалось, уже преодоленной в отечественной историографии¹ схемы придерживается в своей монографии и Кан. Террористы для него, как правило, — высоконравственные юноши и девушки с чистыми помыслами, которые отвечали выстрелами и бомбами на противозаконные действия администрации. Да и убивают они, по словам бомбистки Е.П. Рогозинниковой, «не человека, а машину» (т. 1, с. 455). Имперское прошлое вновь упрощается до размера сцены, где действуют герои-бунтари и их враги, а все иные детали отброшены. Глубоким и оригинальным оценкам при таком подходе просто не остаётся места.

Любопытно, что простота подходов и выводов сочетается в исследовании с обстоятельнейшей фактической базой. Нельзя не признать превосходную эрудицию автора, выявившего и проштудировавшего большие пласты архивного материала (в том числе сравнительно редко используемые, как, например, собрание Б.И. Николаевского) и широкий круг опубликованных источников. Им тщательно изучены следственные дела, личная переписка революционеров, мемуаристика и публицистика. Это позволило ему уточнить многие детали и опро-

вергнуть ряд неверных утверждений своих предшественников. Тщательно выполненный именной указатель учитывает даже не прямые указания на персону. Но на концепции монографии это никак не сказалось.

В название книги вошла строка — «Гроза бедой преступной силе» — из мальчишеского стихотворения А.С. Пушкина «Кинжал», написанного, как известно, в 1821 г. по случаю казни полоумного студента К. Занда, зарезавшего перед тем пожилого драматурга А. Коцебу, которого германское студенчество считало своим врагом. Эта дикая история, поданная с невероятным литературным пафосом, как нельзя лучше перекликается с судьбами юных тираноборцев начала XX в.

Восхищаясь их личными качествами, автор старается не замечать, что практически все молодые люди, оказавшиеся втянутыми в игру со смертью, демонстрировали черты аномального поведения и неуравновешенной (а то и вовсе нездоровой), инфантильной психики. Рогозинникова, ожидая приговор, «пела свой любимый похоронный марш», а затем «шла на смерть с радостью» (т. 1, с. 452–453). А.М. Распутина, мать двух дочерей, нашедшая себе сожителя, с нетерпением ждала своей очереди совершить покушение (т. 1, с. 570). «Смерть не пугала её, — пишет Кан о З.В. Коноплянниковой, — а скорее манила к себе, казалась желанной и привлекательной» (т. 1, с. 60). Барышня отказалась от замужества, не желая «быть самкой», так как её цель — «служение народу, в жертву коему она готова принести себя» (т. 1, с. 37). С юных лет склонный к депрессиям В.В. Лебединцев, прежде чем стать террористом, пытался осенью 1905 г. в Риме свести счёты с жизнью, на что у него, судя по всему, не хватило ни умения, ни мужества (т. 1, с. 507, 509). От-

личный кандидат в клуб самоубийц, он легко смотрел на смерть двуногих «букашек», называя так случайных жертв террористических актов во имя революционной целесообразности (т. 1, с. 519)². Когда А.К. Венедиктова согласилась доставить динамитную бомбу в Кронштадт, то «в её глазах это было интересным развлечением, формой озорства». Она знала, что в случае задержания полицией её ждёт казнь, но даже после ареста «не думала о смертном приговоре — он явился неожиданностью для неё» (т. 1, с. 246–247). Н.С. Калашников весьма выразительно описал М.С. Фельдмана и А.И. Карташёву: «Имея своей целью смерть, они сполна наслаждались жизнью... Они были фанатики, весёлые взрослые дети, опьянённые любовью и надеждой на славный подвиг» (т. 1, с. 190–191). Однако Кан всерьёз пытается убедить читателей, будто эти недоросли с бомбами и револьверами прошли «тщательный отбор» на некую «революционную зрелость» (т. 1, с. 282–284).

Яркие портреты боевиков, созданные в книге, вызывают скорее не сочувствие, а жалость. Под влиянием жарких политических споров взрослых людей юноши и девушки попали в психологический капкан и не могли признаться себе в том, что их искренние «благородство», верность слову, желание защитить «честь поруганной страны» (т. 1, с. 60) и т.д. — всего лишь свойственный молодости фантом. Их вдохновляла и возвышала преступная иллюзия, будто они убивают во имя великой цели, которая оправдывает всё. По сути же, они сами являлись жертвами революционных доктрин и распространённых в обществе ложных представлений о власти и о логике её действий. Им наивно казалось, что террор способен привести к политическим уступкам со стороны самодержавия. Так, руково-

дитель отряда А.Д. Трауберг надеялся, что ему удастся при помощи террористических методов заставить государство «сдерживаться» в репрессиях, после чего он собирался «деорганизовать правительственный механизм» и свергнуть царя (т. 1, с. 114).

Но подобным образом рассуждают иногда и современные учёные. Так, по словам Кана, в 1906–1908 гг. «по-настоящему изменить обстановку в стране могло только устранение ключевых членов правительства и в особенности его главы — Столыпина» (т. 1, с. 650). О.В. Будницкий уверен, что «если в партийных кругах и были какие-либо сомнения относительно целесообразности террора, то убийство [В.К.] Плеве их окончательно рассеяло. Политика правительства действительно изменилась, на смену реакционеру Плеве пришёл склонный искать компромисса с обществом П.Д. Святополк-Мирский... Итак, то, что не сработало в 1881-м, получилось в 1904-м. Путь, указанный народовольцами, не оказался дорогой в тупик. Террористическая тактика доказала свою эффективность при определённых исторических условиях и обстоятельствах»³. Не вызывает у него сомнений и то, что «по утверждению бывшего директора Департамента полиции А.А. Лопухина, поворот Николая II в сторону “конституции” (рескрипт на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина) был вызван не событиями 9 января 1905 года, когда войска доказали свою верность режиму, а убийством его дяди Сергея Александровича, в чём император увидел приближение опасности для себя лично»⁴.

Между тем представители власти, наоборот, неизменно заботились о том, чтобы их действия и особенно — задуманные реформы ни в коем случае не воспринимались как уступка революционному движению⁵. Причём

в политике того же кн. Святополк-Мирского не вполне справедливо видеть только разрыв с курсом его предшественника, как это обычно делается в историографии. Отказавшись от борьбы с общественным движением, репрессий и запретов, князь одновременно продолжил и усилил разработку плана преобразований, начатую ещё Плеве⁶. Однако и тогда, и позднее в правящих кругах обсуждали возможность уступок умеренным либералам, а не революционерам, тем более — террористам. Убийство вел. кн. Сергея Александровича 4 февраля 1905 г., конечно же, оказало сильное воздействие на царя и его сановников. Но оно как раз подтолкнуло не к уступкам, а к намерению «насилием уничтожить», как выразился 11 февраля на заседании Совета министров председатель Департамента законов Государственного совета Э.В. Фриш, тут же добавивший, что при этом «не должно останавливать ход реформ»⁷. Николай II заявлял тогда о готовности «с удовольствием» пролить свою кровь⁸. Никакого испуга не наблюдалось и среди министров. Понимая, что ежедневно рискуют погибнуть от рук очередного «мстителя», они вели себя весьма достойно, демонстрируя окружающим хладнокровие и мужество. Поэтому утверждение Кана, будто Летучий боевой отряд Северной области (ЛБО) «наводил ужас на правительство» (т. 1, с. 9), не соответствует действительности.

Вызывают удивление и слова автора о том, что «ЛБО совершил множество террористических актов в отношении различных царских чиновников, уличённых в насилии и жестокости» (т. 1, с. 8–9). Кто и как «уличал» в насилии членов Государственного совета? Министра юстиции И.Г. Щегловитова? Министра финансов В.Н. Коковцова? Или было достаточно того, что в 1880-е гг.

он служил помощником начальника Главного тюремного управления? Вынося свои приговоры, революционеры не утруждали себя не только проверкой обвинений, но даже их внятной формулировкой. Кану, выяснявшему их мотивы, по сути, пришлось проделывать этот труд самому. Так, командира Лейб-гвардии Семёновского полка Г.А. Мина и руководителей карательных отрядов, действовавших в Прибалтике, он голословно осуждает за чрезмерную жестокость при расправах с дружинниками и погромщиками. А какие же меры следовало применять против людей, взявших в руки оружие и убивавших представителей власти только за то, что они выполняли свой долг? Никаких объективных данных, свидетельствующих о больших злоупотреблениях, в книге не приводится. Используя позднейшие заведомо небеспристрастные воспоминания и публикации советского времени, автор утверждает, что по Москве прокатилась «вакханалия убийств и издевательств над пленными дружинниками» (т. 1, с. 48). В чём же она выразилась? Неужто в том, что 20 декабря 1905 г. военно-полевой (!) суд во главе с Мином приговорил к смерти 13 человек из нескольких сотен участников вооружённого восстания (т. 1, с. 49)? На Московско-Казанской железной дороге, по словам Кана, «все убитые, будь их 55 или 150, были расстреляны без суда и следствия, исходя лишь из субъективного убеждения Римана и его окружения в их виновности» (т. 1, с. 52). Но сколько же их всё-таки было и разве не так же действовали сами революционеры?

«Главного творца всей репрессивной системы того времени» (т. 1, с. 9) Кан видит в П.А. Столыпине. Его обличению в книге посвящён отдельный параграф «Пётр Столыпин: миф и реальность» (т. 1, с. 218–243), в котором чуть ли не вся борьба с револю-

цией сведена к череде смертных казней. Персональная ответственность буквально за все приговоры и расправы возлагается автором непосредственно на главу правительства.

Впрочем, пресечение крестьянских бунтов, с которыми Столыпин столкнулся в 1905 г. на посту саратовского губернатора, Кан критикует не менее сурово. По его мнению, «убийство и богохульство не подлежит никакому оправданию, но все прочие действия крестьян не стоит судить строго: слишком тяжело и безотраднo было их экономическое положение, чтобы подходить к содеянному ими исключительно с точки зрения моральных и юридических норм» (т. 1, с. 225). Подобные сентенции звучат как запоздалое эхо подчёркнуто пристрастной либерально-народнической публицистики начала XX в. и советской историографии. При этом Кан признаёт, что в губернаторских инструкциях применение огнестрельного оружия допускалось лишь в случае реальной угрозы для жизни солдат и казаков (т. 1, с. 227). Однако ему кажется, что стрелять в бунтующих мужиков всё же не следовало, поскольку «сами мятежники, за редким исключением, покушались только на помещичье имущество, а не на человеческие жизни» (т. 1, с. 228). Видимо, при погромах имений их владельцы должны были ощущать себя в безопасности и благодарить грабителей за снисходительность? О том, что губернатор лично пытался уговаривать крестьян прекратить беспорядки, автор упоминает глухо и с явным недоверием (т. 1, с. 229). Между тем заслуга Столыпина состояла именно в том, что в одной из самых неспокойных губерний он сумел избежать массовых жертв и карательных экспедиций в стиле Н.К. Римана или А.Н. Меллер-Закомельского.

Появление военно-полевых судов описано в книге неточно. Первым

задумался об их введении не главный военный прокурор В.П. Павлов, как полагает Кан (т. 1, с. 232), а гр. С.Ю. Витте. Уже 2 ноября 1905 г. он спрашивал у Н.С. Таганцева: «Не следует ли принять суровые меры по отношению лиц — инициаторов террора, а равно силою заставляющих бастовать такие предприятия, которые имеют государственное значение или нарушение коих имеет последствием общественное бедствие. Возможно ли ввести экстренно строго карательные меры и применять их судебным ускоренным порядком?»⁹. 13 декабря Совет министров обсудил соответствующие предложения своего председателя, но не поддержал их¹⁰. Однако 27 июля 1906 г. царь повелел военному министру А.Ф. Редигеру разработать положение об ускоренном суде, который принимал бы решение в течение двух суток¹¹. То, что учреждение военно-полевых судов состоялось спустя неделю после взрыва 12 августа правительственной дачи на Аптекарском острове, — лишь стечение обстоятельств. Сам Столыпин непосредственно после покушения думал не о мести революционерам, а о сохранении своего курса. По свидетельству В.И. Гурко, в тот день, смывая с себя чернила после покушения, он, «несколько возбуждённый, с жаром» говорил: «Это не должно изменить нашей политики; мы должны продолжать осуществлять реформы; в них спасение России»¹².

Итоги деятельности военно-полевой юстиции подводили много раз, но и по подсчётам Кана число погибших от рук революционеров всё же больше, чем казнённых «кровавым» самодержавием (т. 1, с. 255—257). Конечно, в подавляющем большинстве случаев (хотя и не всегда) предание военно-полевому суду обрекало человека на смерть. Но не следует забывать, что целью этих органов юстиции

являлось не скрупулёзное установление вины в ходе неспешного судебного процесса, а замена в чрезвычайных условиях немедленных расстрелов хотя бы минимальным разбирательством. Столыпин отлично понимал вынужденность подобной меры, но считал её оправданной, ссылаясь на «состояние необходимой обороны», при котором «государственная необходимость стоит выше права, и когда надлежит избирать между целостью теорий и целостью отечества»¹³. Тем не менее нельзя «мучения» и «страдания» противников самодержавия во имя ложной идеи ставить выше и права, и правительственной целесообразности.

Столыпин действительно настаивал на том, чтобы приговоры военно-окружных судов были суровыми и не смягчались генерал-губернаторами и командующими военных округов (т. 1, с. 258–260), поскольку опасался, по его словам, «деморализующего влияния слабости репрессии именно в этих случаях на чинов полиции, нравственная поддержка коих при несении ими столь тяжёлой в настоящее время службы является прямой обязанностью правительства» (т. 1, с. 263). Конечно, в военном ведомстве усматривали в этом попытку Столыпина переложить на генералов ответственность за расправы над революционерами. Редигер, судя по его мемуарам, был недоволен тем, что на армию «стали смотреть как на полицию, точно она не имела других задач кроме восстановления и поддержания порядка в стране!»¹⁴. И всё же решающую роль в преодолении революции сыграли не военно-полевые суды и не карательные отряды, а верноподданное общество, активно заявившее о себе после Манифеста 17 октября 1905 г.

Споря с теми, кто считает Столыпина «воплощением прямоты и честности», Кан указывает на то, что, не-

смотря на «множество либеральных начинаний и реформ», намеченных в правительственных декларациях, «ничего из этого... не воплотилось в жизнь» (т. 1, с. 266). Автор словно забыл о том, что в историографии давно и весьма обстоятельно показано, как правым, отчасти при поддержке Николая II, удалось свернуть столыпинские замыслы.

Завершая свой труд, Кан пафосно повторяет давно набившие оскомину публицистические штампы более чем столетней давности о том, что «Российская империя в начале XX века была страной вопиющей политической и социальной жестокости, пренебрежения ко всем правам личности и даже к человеческой жизни. Бесправие, нищета, произвол власти и имущих слоёв населения (особенно землевладельческого дворянства) бросались в глаза, и примеры всего этого приводятся в нашей книге» (т. 1, с. 648). Огромная историография последних десятилетий, раскрывающая всю неоднозначность развития страны, игнорируется им ради навязчивой, неубедительной и наивной героизации молодых людей с неустойчивой психикой и поверхностным знанием жизни. «Их бунт, — пишет он, — был прежде всего нравственным восстанием романтически настроенной личности против извечной российской лжи, грубости, пошлости, жестокости, крови и слёз — во имя любви, добра, правды, человечности, свободы и красоты» (т. 1, с. 651). Нелишне вспомнить, что ту «любовь» и «человечность», которую принесли «романтически настроенные личности», России пришлось расхлёбывать почти весь XX век...

Тем не менее у книги Г.С. Кана есть несомненные достоинства: хороший язык, эмоциональность, искренняя любовь автора к своим героям, наконец, собранный им материал, который при внимательном и кри-

тичном чтении даёт богатую пищу для размышлений и накопления подлинного знания.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997; *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2000.

² Кан считает это бравадой молодого человека, который позднее, при аресте, предупредил, что находившимся на нём динамитом можно разнести улицу (т. 1, с. 520). Однако взрыв домов с обывателями никак не способствовал бы делу революции. А вот готовившийся им взрыв зала заседаний Государственного совета, при котором могли погибнуть и «хорошие люди» из Академической группы, не вызывал у Лебединцева протеста: «Что же поделывать, если так нужно?» (т. 1, с. 535).

³ *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении... С. 153.

⁴ Там же. С. 346.

⁵ *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам / Публ. К.А. Соловьёва. М., 2018. С. 54–55.

⁶ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Публ. Н.П. Соколова. М., 2000. С. 148.

⁷ Цит. по: *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 90.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ ОР РНБ, ф. 760, оп. 1, д. 108, л. 3–3 об.

¹⁰ Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Л., 1990. С. 100–101.

¹¹ *Дякин В.С.* Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. VII. Л., 1976. С. 250.

¹² *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого... С. 586.

¹³ Государственная дума. Второй созыв. Сессия 2. Стенографический отчёт. Т. 1. СПб., 1907. Стб. 514.

¹⁴ *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра / Публ. Л.Я. Сает и Н.В. Ильиной. Т. 2. М., 1999. С. 81.